

DOI: 10.15372/HSS20190114
УДК 94(47)“1945/1949”

М.А. КЛИНОВА, А.В. ТРОФИМОВ

**«УСТАНОВИТЬ СТРОЖАЙШИЙ КОНТРОЛЬ ЗА СОХРАННОСТЬЮ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ»: КАМПАНИЯ ПО БОРЬБЕ
С ХИЩЕНИЯМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х гг.**

Уральский государственный экономический университет,
РФ, 620144 г. Екатеринбург,
ул. 8 Марта/Народной воли, д. 62/45, к. 107

Целью работы является анализ политико-правовой и социально-экономической составляющих послевоенной кампании по борьбе с хищениями социалистической собственности. Изучение социальной специфики кампании по борьбе с хищениями социалистической собственности позволило прийти к выводу о неравноценности санкций по отношению к разным группам советского социума. Более жесткие (уголовные) наказания за хищения применялись в отношении простых граждан, в то время как представители советской партийно-хозяйственной элиты подвергались административным санкциям. Снижение интенсивности проводимой кампании произошло в 1948 г., о чем свидетельствует сужение количества осужденных за хищения и сокращении полномочий организаций, контролирующих финансово-хозяйственную деятельность министерств и ведомств. Специфика реализации данной кампании позволяет рассматривать ее в качестве одного из инструментов реализации мобилизационной экономической модели, направленной на послевоенное восстановление СССР.

Ключевые слова: хищения социалистической собственности, 1940-е гг., политическая кампания, социальная дифференциация, мобилизационная модель экономики.

M. A. KLIMOVA, A. V. TROFIMOV

**«ESTABLISH STRICT CONTROL OVER THE SAFETY OF SOCIALIST PROPERTY»:
CAMPAIGN AGAINST THEFT IN THE SECOND HALF OF THE 1940-s.**

Ural State University of Economics
107, 62/45 8 Marta/Narodnoy voli St.,
Ekaterinburg, 620144, Russian Federation

The study objective is to identify political, legal and socio-economic components of the post-war campaign aimed by the state at combating embezzlements of socialist property, as well as to assess the specifics of its implementation in the context of the mobilization economic model. The post-war period was marked by the growing number of thefts of socialist property, which were fixed in different social strata and professional groups of the Soviet society differing in the volume of the stolen and motivation of the committed act. The analysis of the social specificity of the campaign against embezzlements of the socialist property allows us to conclude on the inequality of sanctions against the Soviet society's different groups. The campaign was aimed against the country's ordinary people and led to strengthening control and introducing criminal sanctions against citizens. The task of eradicating thefts in the higher echelons of power was not set in the post-war years (although bodies focused on this task were created). The activities of the Ministry of State Control of the USSR to identify thefts in the ranks of the Soviet party and economic elite had a purpose to scare the nomenclature who wanted to live for their own pleasure after the war. The campaign's intensity decreased in 1948, which manifested in lower number of people convicted for thefts and reducing the powers of organizations that controlled the financial and economic activities of ministries and departments. Taking into account the campaign socio-political specifics, it should be considered as a tool of mobilization economic model aimed at the post-war reconstruction of the Soviet national economy ravaged by the war.

Key words: socialist property's embezzlements, 1940s, political campaign, social differentiation, mobilization economic model.

Марина Александровна Клинова – канд. ист. наук, доцент, Уральский государственный экономический университет, e-mail: klinowa.m@yandex.ru.

Трофимов Андрей Владимирович, д-р ист. наук, профессор, Уральский государственный экономический университет, e-mail: 2519612@rambler.ru.

Marina A. Klinova – Candidate of historical Sciences, Docent, Ural State University of Economics.

Andrey V. Trofimov – Doctor of historical Sciences, Professor, Ural State University of Economics.

В современной историографии активно обсуждаются вопросы природы и сущности «формальных» и «неформальных» институтов советского социума в позднесталинский период (партийно-государственная номенклатура, правоохранительная система, коррупция, теневая экономика и т. д.) Позиции авторов являются производными от их отношения к сталинской социально-экономической модели и находятся в диапазоне от признания эффективности мобилизационной системы в военные и послевоенные годы [1; 2; 3] до констатации ее ущербности и исторической бесперспективности [4; 5; 6; 7].

Цель данного исследования – выявление политико-правовой и социально-экономической составляющих послевоенной кампании, направленной на борьбу государства с хищениями социалистической собственности, оценка ее реализации в контексте задач мобилизационной экономической модели.

В первые послевоенные годы наблюдался рост экономической преступности. Количество зафиксированных в 1946 г. хищений превысило на 23 % показатели 1945 г. [7, с. 371], а в 1947 г. возросло на 43,7 % по отношению к уровню 1946 г. [8, с. 18]. К 1947 г. хищения составляли практически половину (49,2 %) всех зарегистрированных уголовных преступлений, совершаемых в СССР¹. Криминализация советского социума была обусловлена как товарным дефицитом и голодом, так и наличием диспропорций между военным и гражданским секторами экономики и т. п. Расширению пространства девиантных экономических практик населения способствовало произошедшее во время войны ослабление внимания властей к повседневным заботам граждан.

Во второй половине 1940-х гг. важнейшим инструментом для преодоления последствий войны стала мобилизационная модель экономики. Вследствие необходимости восстановления промышленного производства в условиях имевшихся в стране ограниченных ресурсов важными направлениями законодательного регулирования становятся укрепление защиты социалистической собственности и усиление контроля над каналами распределения ресурсов.

В нормативных документах первых послевоенных лет категория «контроль» получает широкое распространение. В правительственных постановлениях фиксируются требования, адресованные организациям: «ликвидировать бесконтрольность в финансово-хозяйственной деятельности», «установить строгий контроль за сохранностью и порядком», «обеспечить систематический контроль» и т. п.² 15 марта 1946 г. было образовано Министерство госконтроля СССР, которое возглавил Л.З. Мехлис. Министерство получило широкие полномочия в проведении ревизий на предприятиях, в министерствах и главках (могло налагать штрафы, дисциплинарные

взыскания, привлекать виновных к судебной ответственности и т. п.).

В результате проверок, проведенных Министерством государственного контроля в 1946–1947 гг., были вскрыты злоупотребления со стороны ряда руководителей министерств. Выявленные факты хищений легли в основу правительственных постановлений. В Постановлении Совета министров СССР от 13 августа 1946 г. был отмечен факт растраты государственных средств в Министерстве строительства топливных предприятий. Средства, предназначенные для набора рабочей силы, оказались израсходованы на приобретение дорогостоящей мебели. Распоряжение по поводу данной незаконной сделки дал заместитель министра Т.Т. Литвинов, а сам министр А.Н. Задемидко разрешил совершить эту покупку³.

В Постановлении Совета министров от 9 июля 1946 г. отмечался факт незаконной растраты угольными комбинатами Донбасса 353 тыс. руб. на банкеты, проводимые в период пребывания в Донбассе министра угольной промышленности западных районов СССР Д. Г. Оника, причем с его ведома⁴.

В Постановлении Совета министров СССР от 25 октября 1946 г. были отмечены факты незаконного расходования сотен тонн продовольствия в Министерстве пищевой промышленности, к которым имели непосредственное отношение министр В.П. Зотов и его заместитель Е.Н. Невский. За девять месяцев 1946 г. сверх норм снабжения было израсходовано: макарон – 830 т, крупяных концентратов – 40, муки – 25, кондитерских изделий – 320, сахара – 262, растительного масла – 100, разных консервов – 1150 тыс. условных банок, табака – 74, чая – 11 и хозяйственно-го мыла – 83 т⁵.

В начале 1947 г. были вскрыты хищения заместителей министра трудовых ресурсов СССР П.Г. Москатова и Г.И. Зеленко, которые потратили на возведение собственных дач по 80 тыс. руб. государственных средств [9], привлекая на эти строительные работы учащихся школ ФЗО и других подчиненных им работников⁶.

В Постановлении Совета министров СССР от 28 августа 1947 г. были отмечены факты злоупотреблений начальника Главгидроэнергостроя Министерства электростанций Д.М. Юринова и его заместителя Л.Н. Мнацаканова, имевших отношение к хищению из отдела снабжения главка 71 420 руб. Помимо этого Л.Н. Мнацаканов за счет средств подведомственной организации отремонтировал личную квартиру и построил себе дачу⁷.

Вследствие проверок, предпринятых Министерством госконтроля СССР, были вскрыты факты злоупотреблений не только в союзных министерствах,

³ Там же. Д. 282. Л. 240.

⁴ Там же. Д. 280. Л. 353.

⁵ Там же. Д. 286. Л. 243.

⁶ Там же. Д. 291. Л. 265–267.

⁷ Там же. Д. 310. Л. 44–47.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 497. Л. 344–347.

² Там же. Ф. Р 5446. Оп. 1. Д. 280. Л. 518; Д. 286. Л. 243.

но и в республиках СССР. В мае 1948 г. в Постановлении Совета министров СССР № 1615 были отмечены факты злоупотреблений заместителя председателя Совета министров Азербайджанской ССР А.М. Азизбекова, который, используя служебное положение, получил в 1943 г. от дачного треста земельный участок площадью 3,5 га, где имелось 7417 плодоносящих кустов винограда и 1217 различных плодовых деревьев и овощных культур на площади 1 га, построил там дачу за счет государственных средств, привлекая в качестве рабочей силы солдат, а также систематически используя наемную рабочую силу – 20 чел. Доходы от продажи овощей и фруктов А.М. Азизбеков присваивал себе. С 1945 по 1947 г. им было продано овощей и фруктов на 668 900 руб.⁸

В результате начавшейся кампании по борьбе с хищениями были выявлены крупные нарушения на предприятиях и в организациях различного уровня. Согласно справке о хищениях в организациях и предприятиях Минторга СССР за 1946 г. и взятых на контроль Центральной бухгалтерией Минторга СССР было выявлено 1313 растрат на сумму 38 870 тыс. руб. [10, с. 172]. В 1946 г. на текстильных фабриках Ивановской области было задержано 9600 рабочих и служащих, у которых было отобрано 180 тыс. м ткани на 753 тыс. руб., среди арестованных за воровство на фабриках оказалось 408 коммунистов и 200 комсомольцев, а к уголовной ответственности за хищения на производстве было привлечено 65 членов партии⁹.

Декларируемое усиление контроля за деятельностью предприятий и организаций сопровождалось ужесточением уголовных санкций за хищения государственной и общественной собственности. Кульминацией послевоенной кампании по борьбе с хищениями стало принятие 4 июня 1947 г. Президиумом Верховного Совета СССР указа «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества»¹⁰. В нем понятие «хищение социалистической собственности» распространялось на государственное, колхозное и кооперативное имущество. Хищение государственного имущества каралось лишением свободы на срок от 7 до 10 лет (с конфискацией или без нее); хищение колхозной и кооперативной собственности – от 5 до 8 лет лишения свободы. В случае квалифицированных хищений сроки могли быть увеличены до двадцати пяти и двадцати лет соответственно. В указе не приводилось дифференциации наказаний по объемам хищений, в результате даже мелкие кражи квалифицировались по этому закону.

В исторических исследованиях, изданных за последние четверть века, приводится множество фактов, иллюстрирующих применение данной законодатель-

ной нормы в отношении советских граждан, осужденных за хищение нескольких килограммов яблок, мерзлой картошки или муки на срок от 5 до 8 лет [7, с. 38–386; 11, с. 78]. К концу 1947 г. в тюрьмах и лагерях страны было примерно 80 тыс. чел., осужденных по ранее действовавшему закону от 7 августа 1932 г. и 300 тыс. чел. отбывало наказание за хищение «общественного имущества» по указу от 4 июня 1947 г.¹¹ С лета 1947 г. приговоры, выносимые за хищение государственной собственности, стали более суровыми, чем за убийство. Отмечался резкий скачок количества осужденных на длительные сроки. Средний срок лишения свободы достигал 8,7 года [7, с. 365]. Значительную часть осужденных за хищения в 1947 г. составили сельские жители, чьи действия были мотивированы голодом, в 1948 г. возросло число рабочих и служащих. В оценке данного указа историки и правоведы сходятся во мнении, определяя введенные карательные санкции как излишне репрессивные [7; 8; 12; 13].

Факты злоупотреблений служебным положением со стороны местной партийно-государственной номенклатуры стали поводом для кадровых чисток в регионах страны. Многие руководители были сняты с работы со значительным понижением по номенклатурной лестнице, переведены в другие регионы, исключены из партии [3; 9; 14]. Что касается руководителей союзных министерств и главков, чьи злоупотребления были вскрыты Министерством государственного контроля, то уголовные санкции в отношении них применены не были, большинство из них даже не потеряли своих должностей. С занимаемых постов были сняты: А.М. Азизбеков и Т.Т. Литвинов. В.П. Зотову было поставлено на вид, Л.Н. Мнацаканов, П.Г. Москатов, Г.И. Зеленко получили строгий выговор, А.Н. Задемидко, Д.М. Юринов, Д.Г. Оника, Е.Н. Невский – выговор.

Как и большинство политических кампаний «сталинского» периода, данная кампания продолжалась недолго и пошла на спад уже в 1948 г. Н. Верт, анализируя статистику осужденных по указу 4 июня 1947 г., отмечает ослабление репрессивного рвения с 1948 г., характеризующееся стабилизацией и снижением количества выносимых приговоров [7, с. 374]. Е.Д. Твердюкова в подтверждение этой тенденции приводит статистику условно осужденных за хищения, количество которых в 1948 г. возросло более чем в 2 раза (относительно общего количества привлеченных к ответственности): в 1947 г. – 2,4 %; в 1948 г. – 5,2; 1949 г. – 5,9; в 1950 г. – 6,8 % [10, с. 175].

Снижение интенсивности кампании проявилось и в сужении полномочий Министерства госконтроля СССР. Постановлением Совета Министров СССР от 26 августа 1948 г. «Об уточнении прав Министерства Государственного Контроля СССР и его представителей на местах» права государственных контролеров были существенно урезаны. Впредь отстранение от должности и привлечение виновных к судебной ответственности могли проводиться только с разрешения Со-

⁸ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 334. Л. 156–158.

⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 122. Д. 289. Л. 6–7.

¹⁰ Указ Президиума Верховного Совета СССР 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества» // Ведомости Верховного Совета СССР 1947 г. № 19

¹¹ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3890. Л. 150.

вета министров СССР, а наложение дисциплинарных взысканий – с согласия одного из членов Бюро Совета министров СССР, контролерам запрещалось проводить ревизии в министерствах, главных управлениях и комитетах при правительствах СССР и союзных республик, при проверках изымать подлинные документы¹².

В результате такого сокращения полномочий контролеры госконтроля потеряли свою независимость от местных властей и центральных ведомств¹³. В последующие годы объектами проверок Министерства госконтроля СССР стали заводы, колхозы, элеваторы, железнодорожные участки, а не министерства, главки и органы республиканского управления. Вскрытые в результате проверок и ревизий факты в большей степени имели отношение к нарушению правил хранения сырья, технологии изготовления продукции и т.п. Начиная с 1949 г. в текстах постановлений, принятых по результатам проверок Министерства государственного контроля, руководители предприятий значительно чаще обвинялись в «бесхозяйственности» и «безответственном отношении к делу», нежели в растратах и хищениях государственных средств.

Оценивая репрессии послевоенного периода, Д. Фильцер отмечает их «демократичность», так как жертвами в подавляющем большинстве оказались рабочие и крестьяне [13, с. 46–47]. Несмотря на то, что вывод Д. Фильцера основывается на данных об осужденных по различным статьям (политическим, за самовольный уход с работы и пр.), он справедлив и в отношении социальной направленности проводимой в послевоенный период кампании по борьбе с хищениями социалистической собственности. Как и указ от 7 августа 1932 г. (прозванный «законом о трех колосках»), указ от 4 июня 1947 г. был принят в период, связанный, с одной стороны, с голодом и товарным дефицитом, а с другой – с необходимостью интенсификации индустриального развития страны. Увеличение в 1947 г. сроков наказания за хищения при отсутствии дифференциации санкций от объемов похищенного привело на скамью подсудимых значительное количество ранее не судимых граждан, для которых хищение было продиктовано стремлением сохранить свою жизнь и жизнь членов семьи. Увеличение численности попавших в ИТЛ не нарушало планов властей по восстановлению государства, обеспечивая стройки и предприятия страны трудовыми ресурсами.

Задача искоренения хищений в высших эшелонах власти не ставилась в послевоенные годы (хотя органы, ориентированные на ее решение, были созданы). Активная деятельность в 1946–1948 гг. Министерства государственного контроля СССР была призвана, скорее, припугнуть номенклатуру, желающую после войны жить в свое удовольствие. Данная задача

была в значительной мере выполнена. В послевоенные годы стабильно высоким оставался показатель исключенных из партии за экономические преступления, например, в Томской парторганизации – около трети от всех исключенных. Вместе с тем сложившаяся система «самоочищения» элиты не приводила к качественным изменениям, поскольку негативные явления были имманентно включены в бюрократизированную систему управления и принципы номенклатурного отбора [15, с. 307, 311].

Таким образом, предпринятый анализ стадильности и социальной специфики проводимой в послевоенный период кампании по борьбе с хищениями социалистической собственности позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, неравноценность санкций по отношению к различным социальным группам дает возможность говорить о неоднородности советского социума. Во-вторых, данная кампания являлась инструментом, направленным на решение задач мобилизационной экономики. Основной задачей этой экономической модели было восстановление разрушенного войной народного хозяйства (понимаемого как приоритетное развитие промышленности), а население страны выступало ресурсом для ее решения. Аккумуляция средств реализовывалась как за счет отмены карточной системы, проведения денежной реформы, увеличения размера налогов с крестьянства, борьбы с «частником», повышения тарифов на коммунально-бытовые услуги, так и посредством проведения кампании по борьбе с хищениями социалистической собственности. «Острые» кампании было направлено на простое население страны, что проявлялось в усилении контроля и введении жестких уголовных санкций в отношении граждан. В-третьих, задача смены советской элиты не ставилась в рамках данной экономической модели (что можно рассматривать также в качестве одной из причин достаточно «мягкого» проведения кампании в верхах советского социума).

В целом проводимую в послевоенный период кампанию по борьбе с хищениями социалистической собственности следует рассматривать не как автономную социально-экономическую акцию, а как один из инструментов реализации задач мобилизационной экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Катасонов В.Ю. Экономика Сталина. М.: Ин-т русской цивилизации, 2014. 416 с.
2. Киран Р., Кенни Т. Продавшие социализм. Теневая экономика в СССР. М.: Алгоритм, 2009. 304 с.
3. Сушков А.В. Дело «танкового короля» Исаака Зальцмана. Екатеринбург: УрО РАН, 2016. 300 с.
4. Кимерлинг А.С. Особенности провинциальной советской коррупции в 1946–1953 годах на материале Молотовской области // Вестник Перм. гос. ун-та. Сер. История. 2012. Вып. 3. С. 101–108.
5. Нисневич Ю.А. Коррупция в исторической ретроспективе с уточнениями и дополнениями // Общественные науки и современность. 2015. № 3. С. 90–100.
6. Попов В.П. Экономическая политика советского государства. 1946–1953 гг. Тамбов, 2000. 192 с.

¹² ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 343. Л. 337.

¹³ Соколов Б. Был порядок, говорят... Штрихи к портрету коррупции в сталинскую эпоху // Отечественные записки. 2012. № 2. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/2/byl-poryadok-govoryat> (дата обращения: 28.12.2018).

7. *Верт Н.* Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М.: РОССПЭН, 2010. 447 с.

8. *Богданов С.В., Орлов В.Н.* Тоталитарная государственность и экономическая преступность в СССР в первые послевоенные годы // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 6–2. С. 15–20.

9. *Сушков А.В.* Власть и коррупция: руководство Красноярского края и дело о хищениях продукции на Красноярском заводе плодоягодных вин (1949 г.) // Уральский исторический вестник. 2011. № 3. С. 89–95.

10. *Твердюкова Е.Д.* Государственное регулирование торговли в СССР (конец 1920-х – середина 1950-х гг.): историко-правовой анализ. СПб., 2011. 328 с.

11. *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.

12. *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М.: Ин-т российской истории, 1996. 265 с.

13. *Фильцер Д.* Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2011. 359 с.

14. *Жирнов Е.* Члены Верховного суда брали взятки // Коммерсантъ. Власть. № 31. С. 54.

15. *Калинина О.Н.* Советская номенклатура и система внутрикорпоративной охранительности в позднесталинский период (1946–1953 гг.) // Советское общество в период позднего сталинизма. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2015. С. 304–313.

REFERENCES

1. *Katasonov V. Yu.* Stalin's economy. Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii, 2014, 416 p. (In Russ.)

2. *Kiran R., Kenny T.* These who sold socialism. The USSR shadow economy. Moscow, 2009, 304 p. (In Russ.)

3. *Sushkov A. V.* The case of Isaac Salzman, a "tank king". Ekaterinburg, 2016, 300 p. (In Russ.)

4. *Kimerling A. S.* Features of the provincial Soviet corruption in 1946–1953 based on Molotov region data. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Istoriya*, 2012, no. 3, pp. 101–108. (In Russ.)

5. *Nisnevich Yu. A.* Corruption from historical perspective with updates and additions. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2015, no. 3, pp. 90–100. (In Russ.)

6. *Popov V. P.* The Soviet state economic policy. 1946–1953. Tambov, 2000, 192 p. (In Russ.)

7. *Vert N.* Terror and confusion. Stalinism as a system. Moscow, 2010, 447 p. (In Russ.)

8. *Bogdanov S. V., Orlov V. N.* Totalitarian statehood and economic crime in the USSR in the early postwar years. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy*, 2009, no 6–2, pp. 15–20. (In Russ.)

9. *Sushkov A. V.* The power and corruption: Krasnoyarsk Region leadership and a case of product thefts at Krasnoyarsk plant of fruit berry wines (1949). *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, 2011, no. 3, pp. 89–95. (In Russ.)

10. *Tverdyukova E. D.* The trade state regulation in the USSR (late 1920s–mid 1950s): historical and legal analysis. Saint Petersburg, 2011, 328 p. (In Russ.)

11. *Zubkova E. Yu.* The post-war Soviet society: politics and everyday life. 1945–1953. Moscow, 1999, 229 p. (In Russ.)

12. *Zima V. F.* The Famine of 1946–1947 in the USSR: origin and consequences. Moscow, 1996, 265 p. (In Russ.)

13. *Filtzer D.* Soviet workers and late Stalinism. The working class and Stalinist system restoration after World War II. Moscow, ROSSPEN, 2011, 359 p. (In Russ.)

14. *Zhirnov E.* The Supreme Court members took bribes. *Kommersant Vlast'*, 2008, no. 31, p. 54. (In Russ.)

15. *Kalinina O. N.* The Soviet nomenclature and system of internal corporate security in the late Stalin period (1946–1953). *Sovetskoe obshchestvo v period stalinizma. 1945–1953*. Moscow, 2015, pp. 304–313. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 24.12.2018